

Джейми Белл – голливудский юнга

Сюзен ХОУАРД

Со времени премьеры “Билли Эллиотта” прошло уже пять лет, а публика продолжает видеть в Джейми Белле мальчика и с трудом привыкает к тому, что он вырос.

19-летний английский актер явно нервничает на пресс-банкете в честь премьеры “Кинг-Конга”, где он играет юнгу Джимми. Ниже пояса он одет по последней лос-анджелесской моде – в серые твидовые брюки. Поверх брюк – футболка с картой Новой Зеландии. Он коротко стрижен, потому что недавно закончил съемки в военной драме Клинта Иствуда “Флаги наших отцов”.

Белл говорит, что сценаристка “Кинг-Конга” Фрэн Уолш написала роль юнга специально для него. Он познакомился с Уолш в прошлом году, когда снимался в США в комедии абсурда “Чамскраббер”.

“Это черный фильм о семье, где никто друг с другом не разговаривает и все сидит на успокоительных таблетках, – рассказывает актер. – Это кино о моем поколении, вроде “Донни Дарко”. Так или иначе, я находился в Лос-Анджелесе, когда Фрэн позвонила мне и спросила: “Хочешь поехать в Новую Зеландию на полгода?” Я согласился, и тогда она написала для меня героя, который проходит путь от нахального мальчишки до мужественного парня”.

“У Джимми нет ни семьи, ни образования. Всему, что он знает, его обучили на корабле. Он неглуп, он мгновенно ориентируется в ситуации, но не понимает, что за пределами корабля существует другой мир. В его жизни появляется наставник, помогающий ему понять, что пора покинуть корабль и начать жить полной жизнью. Таково мое эмоциональное путешествие в этом фильме”.

А есть ли сегодня наставники в жизни самого Белла?

“У меня было много наставников. Во-первых, моя мать. Во вторых – Стивен [имеется в виду режиссер Стивен Долдри]. В третьих – мой хороший друг, многие годы он был мне как брат. Сейчас он учится в актерской школе Монтвью. Мы всегда помогали друг другу. Можно сказать, что мы – наставники друг друга”.

За последние годы Белл снялся во множестве интересных фильмов, продемонстрировав широкий актерский диапазон. В ленте “Подводное течение” (2004) он работал с продюсером Теренсом Маликом. В “Дорогой Венди” – с режиссером Томасом Винтербергом и сценаристом Ларсом фон Триером.

“Я согласился сниматься у Дэвида Гордона Грина в “Подводном течении”, потому что этот режиссер всегда знает, чего хочет. Мне нравятся такие режиссеры. Как правило, у них очень необычный взгляд на мир. А когда я согласился сниматься в “Дорогой Венди”, меня все спрашивали: “Ты что, с ума сошел?” Люди

были по-настоящему встревожены. Но это было намеренное решение. Я хотел сыграть предельно разноплановые роли, чтобы люди перестали видеть во мне Билли Эллиотта. Я могу их понять: это был мой первый фильм, он имел большой успех, – но я должен был доказать, что способен не только на роли подростков, умеющих танцевать. А для этого нужно было экспериментировать”.

Джейми Белл родился в шахтерском поселке Биллингхэме, который практически перестал развиваться в 60-е годы, когда шахты иссякли. Бабушка, мать и сестра Белла увлекались танцами, хотя никто в семье не был профессиональным танцором. Отец и мать Джейми расстались еще до его рождения, и он вырос в окружении трех женщин. Он утверждает, что начал заниматься танцами вовсе не из-за “женского влияния”, и что никто не настаивал на том, чтобы он поступил в хореографический кружок, где мать вела занятия. Просто один раз он поспорил с матерью, что мог бы станцевать гораздо лучше девочек, которых видел на соревнованиях.

“Она ответила: “о’кей, завтра я покупаю тебе балетные туфли”. Это было сказано словно невзначай, но я до сих пор помню свою первую мысль: “Господи, зачем мне это?” Но терять мне было нечего – я попробовал танцевать, мне понравилось, и я стал заниматься”.

Долгое время он был единственным мальчиком в группе. “Ко мне хорошо относились, но я все равно

ощущал отчужденность. Хотя, наверное, именно это помогло мне стать тем, кем я стал”.

Он признается, что в детстве вымещал в танце все свои фрустрации и комплексы. “Когда я злился, мама всегда говорила: “Смотрите, у Джейми танцевальное лицо!”

Трудно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Белла, если бы режиссер Стивен Долдри не взял его на главную роль в свой режиссерский дебют “Билли Эллиотт” и не стал бы по сути его приемным отцом.

“Стивен потерял отца в возрасте 15 лет, – рассказывает Белл. – А я вообще никогда не встречался со своим отцом. Наверное, из-за этого мы со Стивеном так хорошо понимали друг друга – и в творческом отношении, и чисто по-человечески”.

После съемок “Билли Эллиотта” Долдри и Белл продолжали встречаться; режиссер предложил юному актеру переехать из провинции в его лондонскую квартиру, чтобы Белл мог продолжать карьеру. Таблоиды подняли вокруг этого невероятную шумиху – ведь Долдри не скрывал своей бисексуальности.

Белл говорит, что даже слушать не хочет обо “всей этой отвратительной гомофобской возне”.

“После съемок я вернулся домой и закончил школу. Но мне очень хотелось уехать из Биллингхэма, и Стивен старался мне помочь. Мать согласилась отпустить меня в Лондон, но мы оба понимали, что одному мне придется тяжело. Стивен предложил, чтобы я пошел

у него, выделил мне комнату в его квартире. Мама была счастлива, что у меня будет кров и возможность питаться из холодильника Стивена. Она знала, что мне еще рано жить самостоятельно. Я и сам не знал, смогу ли справиться со всем в одиночку. Пожив пару месяцев у Стива, я понял, что мне нравится такая жизнь. Он никогда не давил на меня, но его советы помогли мне ориентироваться в мире кино. Мы жили так, словно он был моим отцом. Но я не считаю, что у меня две семьи – на севере с мамой и в Лондоне со Стивеном. Для меня все мы – одна дружная семья”.

Интересно, что появление Белла в доме Долдри привело к тому, что режиссер в конце концов пересмотрел свое отношение к традиционным семейным ценностям, женился на танцовщице Люси Секстон и недавно у них родилась дочка Аннабель, которую Белл считает своей младшей сестрой.

А как же его родной отец?

“Я никогда с ним не встречался. Я не знаю даже, как он выглядит. Я знаю только, что пресса пыталась вытянуть из него какую-нибудь сенсационную историю, но он отказался говорить о своей личной жизни. Они спрашивали его: “Что вы чувствуете, когда брошенный вами сын вознесся на вершину славы?” Он ответил: “Я очень рад за него, но я не являюсь частью его жизни, а он – моей. У меня другая семья.” Я уважаю его за то, что он не стал откровенничать в прессе, но мне не хочется с ним встречаться, и никогда не

хотелось. Это было бы все равно что встретиться с незнакомым человеком. Может быть, когда-нибудь позже я почувствую желание поговорить с ним и понять его, но сейчас меня это не интересует”.

Может быть, ему когда-нибудь хотелось понять, не заложено ли лицедейство в его генах?

“Думаю, это заложила во мне мама. По правде говоря, мне всегда казалось, что отец – человек, который в основном требует от ребенка послушания и выполнения его приказов и наказывает за провинности. Я видел, что творилось в семьях моих сверстников, и меня это не привлекало. Мне нравилось мамино общество. Я привык к тому, что мы вместе едим, вместе сидим в гостиной. Дети часто стараются спрятаться от родителей в своих комнатах, но это возможно только в домах с центральным отоплением, а у нас была печка”.

Трудно ли было расти под пристальным вниманием прессы?

“Нет, скорее забавно. Я читал много историй о бедных несчастных знаменитых детях, но мне кажется, что это в основном выдумки. Посмотрите на Кристиана Бэйла – он прославился ребенком, а сегодня стал одной из самых знаменитых звезд, у него все отлично. Я знаком с Рори Калкином – он замечательный, хороший парень. Наверное, мне очень повезло – я познакомился со Стивеном, который помог мне на первых порах, объяснил, как работает механизм шоу-бизнеса”.

В свободное от съемок время Белл пишет сценарии. Его последнее сочинение – “о парне, чей лучший друг погиб на войне и вернулся призраком. Он ходит в окровавленной армейской форме, но разговаривает со всеми как нормальный человек”. Белл собирается посоветоваться по поводу сценария с Долдри, но если тот сочтет сценарий дельным, хочет ставить его сам. “Я люблю контролировать происходящее. Мне не нравится подчиняться”.

В недавнем законченном фильме “Флаги наших отцов” Белл играет лучшего друга солдата, поднявшего американский флаг на горе Сурибахи во время Второй мировой войны. “Эта история рассказывается во флэшбеках – мы вспоминаем, что произошло между нами во время боевых действий. Таким ролям нужно отдавать всю душу, все сердце. Приходится заходить в такие уголки души, в каких ты еще не бывал. Для актера очень важно играть такие роли”.

В фильмографии Белла на сегодня нет еще ни одной романтической роли. Скоро ли он “отметится” в обязательном для любого молодого актера амплуа романтического героя?

Белл смеется. “Играть любовь очень трудно. Вот почему в “Кинг-Конге” главный романтический герой – горилла. Любовные истории о людях легко превращаются в сентиментальную чепуху. Вот Кинг-Конг – другое дело!”

Экран и сцена